

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

ПАЛЬМА

Александр Щербаков-Ижевский

Пальма. Серия

«Бессмертный полк»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878672

ISBN 9785448508622

Аннотация

Не восторжествовала справедливость. Не случилось торжества гуманизма, в который я верил по молодости лет. Расстаться с прошлым невозможно, затаилось всё грустное. Однажды всколыхнётся, напомним о себе, забрезжит воспоминаниями. Цинично, жестоко, кровожадно, без шансов на жизнь человек решит убийство, и небо с овчинку покажется жертве. Смерть только ради смерти. Говорят, что если хочешь разгневать бога, расскажи ему о планах. Возрадуйся, будет в жизни путеводная звезда талана и счастливый конец.

Содержание

1. Самая красивая	5
2. Праздник жизни	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пальма

Серия «Бессмертный полк»

**Александр
Щербаков-Ижевский**

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Корректор Игорь Иванович Рысаев

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0862-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Самая красивая

Солнце палило нещадно. Бездонная синева неба прости-ралась до самого горизонта. И только два небольших облачка неподвижно замерли вдали. Тишина звенела стрекотанием кузнечиков, очертания ближайших деревенских домиков причудливо расплывались от зноя земли, густо пахло разно-травьем. Казалось, ничто не могло нарушить плавное тече-ние размытого в пространстве деревенского времени.

Наша шумная компания друзей, каждому по четыре-пять лет от роду, пытливо осваивала пространство вокруг себя, не соглашаясь с рутинным покоем и скукой пасторального уклада жизни. Совсем неподалёку наблюдалось шевеление и кудахтанье домашнего пернатого сообщества. Это побли-зости у дороги белые тощие куры барахтались в пыльном облаке, отряхиваясь крылышками и зарывая себя по самую спинку. Мы переглянулись: что курам хорошо, нам будет еще лучше.

Отметим, что в те времена дороги в поселке Централь-ный (в дальнейшем поселок Кечево) Ижевского района Уд-муртии были грунтовые. МТСовские машины разбивали до-статочно глубокие колеи. Они были до краев заполнены воз-душной, рассыпчатой пылью. Невозможно было даже удер-жать такую взвесь на ладошке, настолько она мелка и горяча под палящим солнцем. Мы же искали приключений, поэто-

му вся ватага друзей не сговариваясь ринулась в самое пекло раскаленной лавы.

Что тут началось! С упоением и восторгом мы посыпали друг друга обжигающими струйками, барахтались на пузе, собирали курганчики и с разбегу прыгали на них. Фонтан пыльного взрыва ошарашивал! В воздух поднялось громадное облако пыли.

Вдруг, в горячке бесшабашной ребяческой игры сквозь облако плотной пыли мне почудилось, а потом и стало видно нечто. Из сумрака недалеко стоящей конуры на нас смотрела пара внимательных и, как бы, осуждающих глаз. К нам пришло неожиданное осознание того, что мы действительно что-то не ладное здесь вытворяли. Да и порядком подустали, наигрались ребятишки.

Отроки внимательно оглядели друг друга. М-да... Судя по внешнему виду, погорячились абсолютно все участники игрища.

Одеты все в то время были одинаково: пацаны в сандалиях на босу ногу, черных трусах и каких-то майках. Девочки, как правило, в самосшитых сарафанчиках и обязательно с косичками. В любом случае, видок у всех был, надо сказать, достаточно жалкий. С ног до головы были дорожного, серого цвета. Кожа приобрела бурый оттенок. Волосы торчали колом, а на мордашках прилепились соленые от пота грязевые лепешки. Всем сразу стало понятно, что придется идти домой и сдаваться родителям в таком дикарском виде.

Никакого водоема или колодца, чтобы привести себя в порядок, поблизости не было. Скорее всего, каждого из нас ожидало наказание за свое баловство. Говорят, беда сближает. Вот и мы, сбившись в стайку, двинулись в сторону деревни. А наш дом, как раз был первым на пути. У калитки и стояла та самая большущая конура, в которой пряталась от жары папина собака Пальма, чьи глаза я скорее почувствовал, чем увидел сквозь пыль.

И что тут это на меня нашло! Страсть, как захотелось вытащить из собачьего домика сонную псину. Да наказать ее за то, что так осуждающе смотрела на нас. За то, что не приняла участие в запретных играх. Как так, нас накажут, а она останется в стороне?

Все сгрудились у будки с лазом. Мне тогда казалось, что если папа хозяин собаки, то и я имел полное право предъявить свое недовольство и строго спросить с нее. На правах хозяина-заводилы я с силой стал вытягивать собаку наружу. В свою очередь, она никак не хотела вылезать и все дальше забивалась в угол. Чтобы сделать большее и достать сандалиями, я стал ожесточенно пинать что-то мягкое в темноте. Бесполезно.

Но наконец-то я нанес ей ощутимый удар. И тут раздался грозный, устрашающий рык. Кладнули зубы серьезного зверя. Моих друзей как ветром сдуло. Сбежали. Страх обуял меня, когда я увидел клыки и оскал по-настоящему обозленной собаки.

Капитально перетрухнув, с криком кинулся вон, во двор, где и попал прямо в объятия мамы. Мама же ласково приняла меня на руки, осмотрела, и... А дальше... Дальше всё было, как всегда.

Потом мне долго пришлось сидеть голышом на солнцепеке, прутиком отковыривая от себя спекшиеся лепешки грязи. Мама тем временем на таганке грела в чугушке воду. Она приготовила корыто и обмылок. На душе было горько и обидно. От безысходности мои скупые, почти мужские слезинки скатывались из глаз. Унижение душило. Хныканье не помогало.

Но вдруг из конуры вылезла та самая наша собака. Она подошла ко мне и не задумываясь, с простой непосредственностью облизала все лицо. Грязь, слезы, остатки унижения, которое я испытывал, исчезли сами собой. Обняв Пальму за шею, я затих от какого-то нового ощущения. Мне показалось, что я обрел настоящего друга. Моё существо ребенка, соприкоснулось с чем-то взрослым и доселе неизвестным. Страшно возмужалым, загадочным и самостоятельным.

С этого мгновения мы с Пальмой стали единомышленниками с одинаковым пониманием большой любви друг к другу. А это в дальнейшем привело к тому, что мне пришлось потихонечку избавляться от всех своих дурных детских привычек ради сохранения наших отношений. Взаимное уважение предопределяло ответственность.

Так я впервые зафиксировал в своей памяти и на всю

жизнь редкое, как понял с годами, ощущение великого счастья, когда тебя понимают. И любят по бескорыстию. С этого момента много раз именно Пальма внимательно выслушивала все мои горести, мальчишеские проблемы и переживания. Мне было хорошо. Со мною всегда был рядом настоящий и понимающий неразлейвода товарищ. Общение с другом было искренним и обоим доставляло истинное наслаждение. Мы стали побратимами навеки.

Когда в тот день папа пришел с работы, в доме всё выглядело как всегда. Я уже был чистенький и опрятный. Но теперь у меня как-то сама собою появилась новая обязанность ухаживать, любить и кормить друга. Царский ужин, как это считалось по собачьим меркам, подавался в алюминиевой плошке. На весь двор источала вкусный запах каша по-флотски, или похлебка из куриного бульона, зачастую с подкинутыми туда сладкими косточками. В общем, Пальма ела всё то, же самое, что и мы имели на столе. Обделить друга считалось в нашей семье не приличным. Эта догма никак не могла быть изменена и не обсуждалась.

С той детской поры на всю жизнь у меня жизненный постулат, как закон-обижать и обделять собаку, это самая большая подлость на свете. От тебя не убудет, когда самым вкусным обедом поделишься с четвероногим другом. Сказать он не сможет, но в душе будет благодарен, а тебе воздастся.

В дальнейшем жизнь моя детская протекала так же, как и у всех. Отличие было только в том, что я уже целые дни

проводил с Пальмой. Это была настоящая русская гончая. Белого окраса с подпалинами на боках, смешными, обвисшими ушами, длинными ногами. Неуклюжая, громогласная, с трубным голосом, очень большая. У нее был влажный нос и очень добрые, внимательные глаза. Я очень гордился своим сотоварищем.

А мои деревенские друзья завидовали мне. У них такой собаки не было. Вот так! По всему получалось, что, в общем и целом Пальма была самой красивой собакой на земле!

2. Праздник жизни

Мой папа добровольцем ушел на фронт в июне 1941 года. Воевал командиром минометной роты 14-го гвардейского стрелкового полка, 7-й гвардейской стрелковой дивизии, 1-й ударной армии на Северо-Западном фронте. Был трижды тяжело ранен. Оборонял Ленинград, освобождал Прибалтику и город Ригу. Демобилизовался отец уже после Победы в декабре 1945 года, по ранению. И вот, вернувшись домой, кадровый офицер, герой-фронтовик, стал учителем. Пришлось ему восстанавливать знания, которые получил в Арском пед училище еще до войны. Трудно ему пришлось. Подзабыл многое.

Но папа не отчаивался. Он был веселым, жизнелюбимым, мастеровитым. Играл на гармонии, гитаре, пел песни. Высокий красавец с русыми, немного выющимися волосами в любом обществе быстро становился душой компании. Добрый и улыбчивый, с легким прищуром серых глаз. Писанный аполлон. Вся округа знала и любила Ивана Петровича. Папа отвечал людям тем же. Мог купить ящик пряников и раздать детишкам со всей округи. В общем любил жизнь во всех ее проявлениях.

У моего папы было три великих и судьбоносных дела. На другие он не разменивался.

Первое-это работа, которую очень любил. Он старался пе-

редать малолеткам многое из того, чего ему самому не хватало, и сам мечтал бы получить в своем трудном детстве. Отдавал частичку своей души, учил милосердию. Он обожал детей. Впоследствии, через сорок лет, один его ученик, Владимир Ильич Агичев, благодарил меня за то, что первым учителем у них был мой замечательный папа, прекрасный педагог.

Второе-это любовь. Пройдя страшные фронтовые версты, выжив каким-то чудом в мясорубке войны, он искренне любил свою жену, мою маму Полину Алексеевну, тоже учительницу. Обожал меня и сестренку Таню, постарше меня на два года. А еще любил всех своих близких. Любил друзей. Любил жизнь. Соседка тетя Маруся Бегитова, вспоминая наши семейные взаимоотношения, говорила, что у твоего папы в кармане всегда были для вас, мелюзги, сладенькие конфетки, которые он покупал, идя с работы, в сельмаге, что у колхозной конторы. Мама ругалась, что зубы у детей болеть будут, а папа говорил, что от «Золотого ключика» ещё никто не умирал. Пусть едят сколько влезет, только не мешайте им испытать детское счастье.

Третье-это охота и рыбалка. Без них он просто не представлял своей жизни. Впрочем, как и без первого и второго. А какая охота без преданной собаки, без нашей Пальмы?

Иногда папа брал и меня на осеннюю охоту. До ближайшего Валионского леса было километра три вдоль железнодорожных путей, что в сторону Агрыза. Вставать приходилось

спозаранку, еще затемно. Мне очень хотелось спать, а Пальма как будто знала заранее о нашем походе, с вечера не находила себе места.

Слегка перекусив, мы отправлялись в путь. Впереди Пальма, затем папа и я. То и дело, оглядываясь, он периодически подбадривал, весело подшучивал над моей нерасторопностью. Но мне было не до обид. Я больше всего на свете любил своего папу! В кирзовых сапогах (резиновых тогда еще не было), почему-то в очень жестком чёрном осеннем пальтишке с рюкзачком на плечах по сырому, грязному полю да ночью идти ой, как не просто. Тем более, если тебе всего-то шесть лет.

Но я не хныкал, очень хотелось побыстрее попасть в лес, на охоту! Из глубоких оврагов тянуло сыростью, туман обкладывал все низинки. Звук растворялся в пространстве. Даже грохот проходящего вблизи поезда не казался таким оглушающим, как днем. Под ногами чавкала осенняя грязь, постоянный спутник охотника. Но постепенно в сумраке появлялись видимые очертания деревьев, телеграфных столбов. Напоминающие чудищ тени становились обыкновенными пенёчками и корягами. В эти мгновения обычно, почему-то, утихал ветер. Потихоньку пропадали звезды. Стремительно светало.

Однако вот она, уже видна опушка леса. Блеснул первый лучик солнца. С появлением яркого света сразу дунул и ветерок. В минуты всё преобразилось. Что-то где-то цвиркнуло,

засвистело, зашевелилось и даже закаркало. Последние лоскуты тумана растворялись в наступающем утреннике. Пальма с восторгом, раскидывая свои уши стремительно носилась на своих длинных ногах к лесу и до нас. Лизнув меня, убегала обратно. Радости ее не было предела. Мы были счастливы одним общим счастьем: папа, Пальма и я.

Как-то в лесу мы соорудили шалаш из сучьев и веток. Пригодились фронтовые навыки папы. Пальма забралась вовнутрь вместе с нами и прижалась ко мне боком. К выстрелу она, конечно, была приучена. Смирно, положив голову на длинные и сильные лапы, терпеливо наблюдала она за нашими приготовлениями. Сквозь ветви я видел, как начали прилетать на манок рябчики. Некоторые из них прибежали по земле. Папа хорошо стрелял, не знал промаха. Трофеями мы были обеспечены. А Пальма при звуке выстрела даже не вздрагивала. У неё были железные нервы. Она же была охотничьей собакой.

Дорога домой была легкой, веселой и быстрой. Мы с Пальмой бежали впереди папы. Конечно же играли в догонялки, вместе искали заброшенный папой в овраг раскоряженный сук, пытались поймать какую-то лесную птицу. На пару страшно рычали и облаивали в кустах дикого «зверя». В общем, сустились, производили много таких нужных для нас с Пальмой и в то же время абсолютно необязательных дел.

Одним словом радовались жизни. У нас всё было хорошо! Зимой папа и Пальма к охоте готовились задолго до вы-

хода. В то время готовые патроны не продавались. Приходилось снаряжать их самостоятельно.

Помню кисловатый запах пороха. Но с этим делом строго! Чуть перебор, и разорвет ствол. Поэтому на столе главным героем всегда был мерный стаканчик. Он был маленьким, чуть больше наперстка. Сбоку была шкала с цифрами: 0,5 – 3,0 гр. Донышко его могло опускаться, а фиксатор регламентировал величину объёма пороха.

До сих пор, как на картинке видятся аккуратные стопки круглых, картонных прокладок. Они заранее упаковывались для удобства в коробку с надписью «Сахар-рафинад». На деревянной дощечке (фанера была в дефиците) папа вырубал металлическим пуансончиком кругляшки из картона от обувных и продовольственных коробок.

Пыжи изготовить было проще пареной репы. Старых валенок было множество. Из голенища делай сколько хочешь. Чтобы не сопрели, россыпь этих войлочных кружочков покоилась в холстяном мешочке.

Заячью дробь покупали в магазине. Хотя, когда она заканчивалась, просто вырубали зубильцем из свинцового листа маленькие квадратики. Дробь была насыпана в красивые металлические коробочки из-под зубного порошка с рисунками каких-то московских достопримечательностей на крышках. На них было крупно написано ВДНХ.

Капсюли хранились отдельно в пластмассовой коробочке, завернутые в пергаментную промасленную бумагу от слу-

чайной искры. Их забивали в патрон деревянным молоточком осторожно, тщательно, без перекосов. Не дай бог при выстреле на охоте случилась бы осечка.

Чтобы влага не попадала в заряд, разжигали стеариновую свечу и закапывали парафином уже запыженный патрон. Через гексан был виден номер. Как правило, на зайца применялась дробь №3, что соответствовало надписи красным карандашом.

Снаряженные латунные патроны расставлялись рядком.

Готовые боеприпасы вставлялись в ячейки патронташа, который состоял из четырёх секций. В каждой было по шесть стаканчиков. От влаги и мусора сверху была предусмотрена накладка, которая пристёгивалась на кнопку.

Когда полный патронташ оказывался на поясе охотника, в душе появлялась уверенность зверобоя-промысловика. В этом случае, каждый себя позиционировал, как мог. В зависимости от того насколько хватало амбиций и смотря кому, какой хотелось славы. Хотели мы того или нет, но охота в то время не воспринималась, как чистейшей воды спорт. Это была возможность добыть зверя для прокорма семьи.

Наша Пальма седьмым чувством обладала в полной мере. От ожидания свободы поскуливала, взвизгивала, крутилась, не находила себе места. Ей страстно хотелось в лес, в дело. Вся ее энергетика и суть были мобилизованы на добычу. Перед охотой я гладил ее, целовал в большущий нос, как мог, успокаивал, заглядывал в глаза. Но она уже вся была на вин-

те, жила другой жизнью и всячески изворачивалась от моих ласк.

Уходили они на зайца очень рано и без меня. Я сладко спал, а проснувшись, с нетерпением ждал их обратно, переживал за своего друга. Охотникам предстоял тяжелый рабочий день промысловика. Возвращались они тоже затемно. Оба добычика мокрые, усталые, молчаливые, но самое главное довольные являлись моему взору. Белоснежный заяц, а то и два были переброшены через плечо папы. На поясе висел полупустой патронташ. Чтобы не повредить добытых зверьков, разряженное ружье отец держал в руках.

Запомнился запах, идущий от оружия после охоты. Он ассоциировался у меня с запахом удачи. Больше нигде такого не учуять. Он был горьковато-кисловато-маслянистым. Да еще с дымком и привкусом победителя. Кого зацепило, тот знает!

Лыжи ставились в холодные сени. А промокшую одежду, сырые валенки папа складывал на приступок печки. К утру, одежда уже высыхала.

Пальма сразу уходила в свою конуру. Она сворачивалась клубком и засыпала, вся сырая до последнего волоска. В любую погоду, или непогодь от нее валил густой пар. Как ни странно, но он был без запаха. Пар и пар. Просто вода. А мне так хотелось учуять благоухание дикого леса. Во сне Пальма периодически вздрагивала и слегка поскуливала. Я понимал, что азарт охоты отпускал её не сразу. Не помню случая,

чтобы она тот час же после возвращения из леса подходила к миске с едой. Сначала ей надо было восстановить силы. Как это сделать? Конечно же, только через крепкий собачий сон.

Папа бывал очень доволен. Он хвалил Пальму за ее тонкое чутье и выносливость. Мне, как награда, доставался заячий хвостик. А когда наступали трескучие морозы, этот белый пушистик согревал мне руку в шерстяной варежке. Я с удовольствием показывал этот трофей своим друзьям. Конечно, они завидовали чёрной пацанской завистью.

Но, бывало, папа передавал и другой приветик от зайчика. С мороза он вытаскивал из рукавицы... конфетку или из кармана ватника... горбушку мёрзлого хлебца. Ура! Я прыгал от счастья. Папа был для меня самым дорогим сердцу человеком на свете.

Самый хороший, самый умный, самый добрый и любимый на земле человек для меня-это был мой папа!

Весной тоже было хорошо! Я носился по лужам и запускал кораблики в стремительные, холодные ручейки. Мы орали до хрипоты и одури просто так. От хорошего настроения. До темна, сражались на крепостях из сырого снега и в глубоких норах сооруженных в спрессованном зазимке. Прямо на снежных отвалах, оставленных тракторами по обочинам дорог. Светлого времени суток нам с друзьями не хватало.

Я ел пахнущее весной сырое порошное сало. И Пальма его смешно кусала из моих рук. Может быть, она думала, что это было реальное белое мясо? Или по весне носом не чуяла?

Да нет же! Она просто, как могла, по-собачьи дурачилась. Да и снег был не косточкой. Поэтому она его надкусывала, мотая головой, фыркала и тут же выплёвывала. Открывала пасть и выталкивала его языком. От вида этой процедуры нам было очень смешно, и мы с мальчишками заливались хохотом. Смеялись и дурачились до изнеможения. Пальма гавкала и скакала вокруг нас. Всем было весело и хорошо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.